

Мария СПЕРАНСКАЯ

Стресс для обычного человека — вещь малоприятная. Однако психологи утверждают, что творческим личностям эмоциональная встряска необходима как воздух, стимулируя их мыслительные процессы. Откровения мэтра отечественной режиссуры Марка Анатольевича Захарова подтверждают: неожиданный экстремум частенько оборачивается положительным опытом, главное — вовремя суметь взглянуть на себя со стороны и к любому повороту событий постараться отнестись с юмором.

— Из двух лягушек, очутившихся в крынке с молоком, вы — за ту, что сложит лапки и пойдет ко дну, или за ту, что взобьет масло и выберется?

— Затрата моей нервной энергии на обеих лягушек будет, по предварительным расчетам, примерно одинакова. Но это надо проверить. Если бы вы сейчас принесли сосуд с молоком и лягушек, мы бы, конечно, поставили эксперимент. Возможно, я в чем-то ошибся.

— Интуиция когда-нибудь спасала вас от опасности?

— Таких классических случаев, когда покупаешь билет на пароход, но в последний момент, придя на пристань, сдаешь его обратно, потому что внутренний голос подсказывает: пароход утонет, со мной не было. Но когда в качестве актера по распределению я оказался в Перми, там мне довольно быстро пришла повестка в армию. Понимая, что избежать этой почетной обязанности мне вряд ли удастся, я, повинуясь некоему седьмому чувству, все-таки попросил директора театра дать мне хоть какое-то спасительное письмо. Придя к военному и встретив его злой глаз, я услышал: "Что, артист? Письмо?.. Освободить от армии, да?!" Нависла пауза, потом он почему-то посмотрел в окно на далекий проходящий поезд — это я навсегда запомнил — и швырнул письмо обратно: "Ладно, иди работай, артист!" Почему он это сделал, я не понимаю, но благодаря интуиции я ис-

ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ

**Марк Захаров:
«На месте Любимова
я бы уволил Высоцкого
за пьянство»**

Будущего знаменитого режиссера в детстве звали Маришкой.

пользовал малейший шанс, и вся моя судьба сложилась по-другому.

— Фраза: “Ну что ж, рискну здоровьем...” — из вашего обихода?

— Когда Валентин Плучек предложил мне из Студенческого театра МГУ перейти к нему в Театр Сатиры в качестве и актера, и режиссера одновременно, я не “рискнул здоровьем” погнаться за двумя зайцами и отказался от актерской деятельности. Я понимал, что после переобучения в одной гримировочной комнате с артистами потом отдавать им команды будет непросто, и может не получиться моя первая режиссерская акция — постановка в 1967 году “Доходного места”. Правда, “риска для здоровья” в связи с этим спектаклем избежать не удалось: мы успели отыграть лишь сорок раз, прежде чем на просмотр приехала тогдашний министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева. Уже в антракте, окончательно взнервленная отсутствием в туалете полотенец, она сообщила об обнаружении в постановке (по Островскому! — Авт.) антисоветской направленности и общей режиссерской деградации. “Доходное место” было запрещено, что, кстати, придало ему дополнительную легендарность.

— Вам когда-нибудь приходилось нервно оглядываться, поздно возвращаясь домой?

— Однажды я проходил по какому-то темному переулку, и неожиданно дорожку мне преградила слегка пошатывающаяся фигура, от которой можно было ждать чего угодно. Не успел я среагировать, как человек резко бросился на меня, прижал к стене, и я лишь подумал: “Куда будет нанесен удар ножом, в какое место?..” Однако удара не последо-

вало, а напавший заплетаясь языком сказал: “Щас вся надежда на тебя!” — повернулся и пошел дальше. Хотя испуг прошел не сразу, этот эпизод я воспринял как некий добрый знак, что спектакль “Доходное место” получится.

— Ваш самый экстравагантный поступок в жизни?

— В Театре Сатиры у нас сложилась приятная компания: Андрей Миронов был ее душой, веселый человек Ширвиндт туда входил, Червинский — друг Андрея, я, периодически еще кто-то возникал... Както, насмотревшись заграничных фильмов, где отлично работали каскадеры, мы носились ночью по Садовому кольцу на двух машинах. И вдруг я заявил, что в своей машине мне не нравится — мол, желаю ехать в другой, но пересеть хочу, не останавливаясь. На довольно большой скорости один автомобиль поравнялся с другим, и я (не от большого ума, как сейчас понимаю), не обладая никакими каскадерскими способностями, перелез из одного окна в другое. Кстати, впоследствии это послужило мне хорошей службой: когда разнесся слух, что в “Ленком” назначают нового главного режиссера, то многие забеспокоились (для актеров это всегда тревожный момент) — стали узнавать, что я собой по-человечески представляю. Шура Ширвиндт взял на себя смелость и нескольким актрисам сказал: “Он на полном ходу перелезает из одной машины в другую, так что оснований особо волноваться нет”. Встретили меня очень уважительно. (Смеется.)

— На вас писали анонимки?

— Думаю, да, — и анонимки, и докладные, особенно когда работал мощный цензурный аппарат. Так, после гастрольной поездки в Париж директор театра сообщил, что очень плохая ситуация со многими нашими артистами, и

со мной тоже, потому что мы слишком свободно вели себя и, главное, проигнорировали инструктаж: ходить по городу, только разбившись на пятерки. Или, окольно, я узнавал, что после запрещения “Доходного места” у меня нельзя было брать интервью. А одно служебное сообщение из Минкульта РФ в Управление культурой Мосгорисполкома мне даже подарили — по поводу спектакля “Три девушки в голубом” Петрушевской, который расценивался как очернение действительности и противопоставление социалистического быта неким романтическим видениям прошлого. Это шло за подписью одного человека, с которым сейчас я иногда встречаюсь, здороваюсь и, понимая, что все мы жили и работали в сложное время, личного зла на него не держу.

— Вас шантажировали? А самому приходилось применять этот прием?

— В отношении себя я откровенно грубого шантажа не испытывал, а с моей стороны бывали этакie дипломатическо-демагогические акции, когда я добивался чего хотел, сначала встречая абсолютное сопротивление. Так, я уговорил одного очень хорошего артиста нашего театра, который был необходим мне для постановки по Достоевскому. Узнав, что он просто категорически ненавидит этого писателя и никогда в жизни в спектакле по его роману играть не будет, я вызвал этого актера для беседы. Не скажу, что я управился за два часа, но за три сеанса встреч я постепенно склонил его начать репетировать. Режиссер должен обладать способностью убеждать людей, даже если сначала они настроены очень решительно...

— Приходилось работать с актерами, имеющими репутацию порочных?

— Первое, что приходит мне в голо-

Какой артист погиб! Но зато в каком режиссере...

ву при формулировке “порочный”, — это все-таки сексуальная сфера: порочность по линии интимных контактов, какая-то грязноватость, непорядочность... Но в контексте профессии меня значительно сильнее задает другое, хотя я считаю, что талантливому человеку надо прощать некоторые прегрешения. Вот Юрий Петрович Любимов нашел в себе силы прощать появление Высоцкого в нетрезвом виде на спектакле. Я был свидетелем, когда Любимов потребовал дать Высоцкому нашатырь, отправил его в холодный душ, а потом выпустил на сцену. В то время я был более экстремистски настроен и на месте Любимова неосмотрительным образом его бы уволил. Сейчас понимаю: как хорошо, что у Юрия Петровича хватило мудрости все-таки сохранить этого уникального человека, хотя пьянство в театре до сих пор расцениваю на уровне уголовного преступления и в “Ленкоме” подобный вещей не терплю.

— Вам когда-нибудь казалось, что вы натурально сходите с ума?

— Однажды был такой момент. Выпуская “Доходное место” и находясь в состоянии повышенного нервного напряжения, я пошел посмотреть, как делаются декорации, и вдруг почувствовал, что делаются они плохо, неправильно. Потом я заглянул в пошивочный цех, где как раз шла кройка костюмов, и увидел, хоть и не обучен портняжному делу, что кроются они неверно. Расстроенный, я решил пройти мимо строящегося кооперативного дома, на квартиру в котором уже внес пай. И снова замечаю: строят ненормально, не так, как надо! И когда я сложил все три своих вывода, то понял, что в моем сознании происходит медленный сдвиг. Но как толь-

1956 год. Марк Захаров расстается с холостой жизнью в пермском театре.

1988 год. Захаров снимает "Убить дракона".

ко я это зафиксировал, у меня сразу возник стойкий комедийный импульс, и здоровая ирония взяла верх. А на ночь я выпил валерианового корня и успокоился окончательно.

— **Вспоминяя о чем, вам хочется воскликнуть: "Боже, какое унижение!"?**

— Такие моменты случались, но ко многим унижениям я стал относиться как к экспонатам моей режиссерской копилки. Однажды я был вызван к министру культуры Демичеву. У него был очень большой кабинет — правда, чуть меньше, чем сейчас у меня в "Ленкоме". Когда по приглашению секретаря я вошел и поздоровался, он сидел за столом метрах в пятнадцать, но не предложил мне ни сесть, ни подойти, а глядя перед собой, стал что-то говорить так тихо, что я с трудом разбирал лишь обрывки некоторых фраз: "Мне кажется... у нас есть... неоднозначно..." — заключить из которых, о чем идет речь, было совершенно невозможно. Поняв, что вступить в диалог мне не удастся, я обреченно молчал и потел, как вдруг Демичев членораздельно произнес: "Все-таки дельфины — очень умные рыбы. Даже удивляешься!" Ощувив, что наконец-то понимаю, о чем идет речь, я горячо поддержал мысль про дельфинов. Думаю, что министр специально ввел меня в стрессовую ситуацию, чтобы я не мог в дальнейшей беседе вразумительно возражать, приводить какие-то аргументы. Позже, релетируя некоторые спектакли, я об этом вспоминал и кое-что артистам подкаказывал.

— **Убеждались на собственном примере, что инициатива наказуема?**

— Когда мы запускались с "Обыкновенным чудом", меня надоумили, что раз уж ко мне негласно относится руководство Гостелерадио, надо попросить

у них "Кодак" — пленку-мечту любого режиссера. Я пришел к господину Мамедову и едва начал ему объяснять, что мне нужен "Кодак", как вдруг поймал на себе его едва заметно улыбочивый глаз. "Обязательно "Кодак", да? И много ли вам надо? — мягко поинтересовался он. — А вот без "Кодака" вы уже и не обойдетесь?!" Он вел диалог в таком насмешливо-уничижительном тоне, что разговор очень быстро захлебнулся, и из кабинета я вышел, как журналист на карикатуре Бидструпа: тот входил к главному редактору бодрим человеком высокого роста, а появлялся обратно оплеванным карликом. После той неудавшейся инициативы мой статус резко понизился и в собственных глазах, и в насмешливых глазах Мамедова — однако, вопреки всему, "Обыкновенное чудо" получилось.

— **В вашей жизни была материальная потеря, о которой вы до сих пор вспоминаете с колоссальным сожалением?**

— В начале 90-х мне по знакомству рекомендовали представителя Московского городского банка (это название я навсегда запомнил). Он сказал, что если я стану серьезным вкладчиком, то последует ряд льгот, я буду получать о-о-очень хорошие дивиденды, и мое материальное положение улучшится. По тем временам у меня скопилось довольно приличная сумма — около 6—7 тысяч долларов, и, собрав все деньги, я передал их этому "банкиру". Что интересно, уже на следующий день он с деньгами навсегда исчез и из поля моего наблюдения, и из поля зрения наших правоохранительных органов — видимо, я стоял последним в цепочке обманутых им людей. Зато когда позже появлялись всякие "МММ" и прочие "Василины", я уже мудро не реагировал. Колоссаль-

ного сожаления от той потери нет, но некоторая досада осталась. Я ведь много лет жил в долг, какие-то небольшие деньги мне давали композитор Гладков, драматурги Горин и Шатров, а через месяц-другой я с ними расплачивался, но вскоре занимал снова, у них же, чтобы не расширять круг своих кредиторов.

— **Какой из своих поступков можете назвать настоящей авантюрой?**

— Когда мне представился случай поставить на крышу своего служебного автомобиля "мигалку", и я не устоял перед этим соблазном, хотя понимал, что буду вызывать большое раздражение у многих людей, которые меня узнают. Теперь эта "мигалка" помогает мне быстрее доезжать до загородной квартиры (дачи у нас нет) в кооперативе в Красновидове, где мы живем вместе с Ширвиндтом и другими творческими деятелями.

— **Вы могли бы что-нибудь украсить?**

— В последние лет пятьдесят, наверное, нет, а в юности, когда в определенных ситуациях примыкал к краснопресненской шпане, то что-то было, особенно в послевоенные годы. Не то чтобы я грабил квартиры или залезал в магазины, но в чем-то между мелким хулиганством и мелкими кражами участвовал.

— **Обстоятельства окончательно закалили вас или чувство жалости периодически испытываете?**

— Недавно в Москве был замечательный праздник — Международная театральная олимпиада. И вот когда я увидел этот восторг, это пиршество карнавала, то непроизвольно подумал: а как жители затопленного Ленска на все это смотрят, какие у них рождаются эмоции и мысли? Но кто-то меня

успокоил: они об этом не знают, потому что находятся в таком плачевном положении, что у них даже телевидение не работает. Отчасти это черный юмор. Но те весенние репортажи с мест наводнения, безусловно, вызывали и вызывают во мне сопереживание и жалость, я просто не представляю, как можно жить в таких условиях.

— **Пожалуйста, продолжите: однажды я, повинуясь порыву...**

— ...и я бы еще добавил: не от большого ума — взял свой партбилет и сжег его перед телекамерой, что было претенциозно и как-то недостойно разумного человека. Партбилет надо либо прятать, дожидаясь возвращения КПСС к власти, либо избавляться от него красиво, как это сделал когда-то Борис Николаевич Ельцин: спокойно положил билет на стол и во всеуслышание заявил, что выходит из партии, никакой театрализации при этом не допустив. Но у меня это действительно был порыв, а не продуманная и срежиссированная заранее акция!

— **Часто приходится командовать себе "стоп"?**

— Много раз, когда я говорю с артистом, молодым, еще не оперившимся, который вызывает во мне законное раздражение, имеющее под собой повод. Понимая, что человек в тот момент всецело зависит от меня, а я "развожу дедовщину", я быстро себя сдерживаю. Это уже потом, в случае удачи, если актер станет звездой, он сможет сказать: "Роль хорошая, спектакль тоже. Играть буду. Только надо режиссера сменить" — с этим я больше релетировать не хочу". Вот такому человеку сделать резкий выговор уже сложнее. Но однажды я оказался крайне взнервлен тем обстоятельством, что на собрание по обсуждению спектакля было несколько

Захаров считает, что работать в одном театре с женой нельзя — будешь чувствовать себя несвободно. А с дочерью — можно.

“От партбилета, понимаешь, нужно избавляться не так, как ты, а так, как я — без излишней, понимаешь, театрализации”.

С “примами” своего театра — Александром Збруевым и Олегом Янковским.

ко опозданий, и когда последней вошла народная артистка — царство ей небесное! — у меня достало мужества заметить: “Извините, вы слишком демонстративно опоздали, и я не хочу сейчас с вами разговаривать”. Слава Богу, наши отношения после этого не изменились — позже у нее хватило ума принести свои извинения, а у меня — забыть об инциденте.

— Приходилось выступать психиатром и купировать актерские истерики?

— Истерики при мне, как правило, не закатывают, а с тем, что в народе называется выразительным словосочетанием “крыша едет”, я встречался и продолжаю встречаться. Помню, лет пять назад мы поехали на гастроли в Днепрпетровск. Истосковавшаяся по хорошему московскому театру публика встретила нас, как на лучших концертах встречают Киржорова. Следующим утром я заметил, как один актер вышел к завтраку с каким-то задумчивым взглядом, ни с кем не здоровался, отрешенно смотрел поверху и в сторону. И я понял: его надо быстро спасать. Хоть и не люблю лезть в душу, но тут пришлось потрудиться психотерапевтически. И сейчас, когда я совсем молодому артисту поручил главную роль в “Шуте Балакиреве”, то задолго до премьеры стал периодически осторожно с ним беседовать, с лейтмотивом: а не сойдешь ли ты с ума, если начнут перед носом щелкать фотокамерами, спрашивать, какое у тебя детство было да что ты любишь есть-пить и с кем живешь?.. Конечно, то, что его портреты появились во многих газетах, совсем бесследно не прошло, но у меня такое ощущение, что “заболевание” его временное и протекает в очень ослабленной форме.

— Часто о себе говорят: “И тогда я растаял!” С вами случалось?

— Однажды художник с очень сильной биологической заразительностью — Шилов — попросил меня: “Всего двадцать минут — очень хочется написать ваш портрет!” Вскоре после того, как в его галерее появился “Портрет режиссера М.Захарова”, одна дама горячо сказала мне: “Знаете, была у Шилова — очень хороший художник, но лучшее, что у него есть, — это ваш портрет!” Вот тут я догадался — перебор, и мне просто стало смешно. (Смеется.)

— Вас настигло горькое разочарование?

— Будучи семилетним, я посмотрел американскую музыкальную картину “Большой вальс” с потрясающей красотой — главной героиней. Фильм произвел на меня ошеломляющее впечатление, а в душе осталось ощущение такого праздника, какое человек испытывает, впервые попадая в Венецию. Спустя лет десять я вновь увидел ту актрису и вдруг понял, что это совсем не то обворожительно-прекрасное создание, что абсолютно очаровало меня ребенком! Разочарование было горьким и, главное, неожиданным.

— Насколько принципиально для вас всегда говорить и слышать правду?

— Думаю, что человек всегда правду знать и говорить не должен. В 60 лет в Германии мне делали операцию — коронарографию. Пока катетер шел по сосуду, немецкий хирург сыпал всякими ободряющими словами, которые оптимистическим тоном переводил мне русскоязычный врач. Но когда катетер дошел до сердца, немец, после большой паузы, быстро произнес какую-то фразу, которая меня насторожила. Спросить перевод я побоялся, но через несколько дней после операции, когда стало очевидно, что останусь жив, я все-таки поинтересовался у нашего

врача, что же проронил тогда хирург. Услышав явно экзальтированный перевод: “Ах, какое редкое везение — сердечная мышца просто специально для операции!” — я попросил сказать правду и узнал, что на самом деле хирург удивился: “Как этот парень вообще сюда долетел?” И я понял: как хорошо, что я не знал этого перед операцией!

— Что чувствуете, если женщина с вами откровенно кокетничает?

— Если очень откровенно, то это вызывает некоторое раздражение. Бывало, я замечал атаки со стороны молодых актрис, но сейчас такого уже не происходит — я давно всем дал понять, что не поддаюсь и не стану использовать служебное положение. Более того, если во время репетиции нужно показать актеру, как обнять партнершу или прикоснуться к какой-то интимной части ее тела, я никогда не делаю этого сам, а демонстративно прошу помощи у второго режиссера или еще кого-то. То есть тут я стараюсь полностью соответствовать ценному напутствию Плучека: “Как у главного режиссера у тебя, Марк, появится множество единомышленниц, которые будут хороши собой. Встречайся с ними только в репетиционном зале и на сцене — не усложняй себе жизнь, иначе потом не выпутаешься”. Это был очень прозорливый совет.

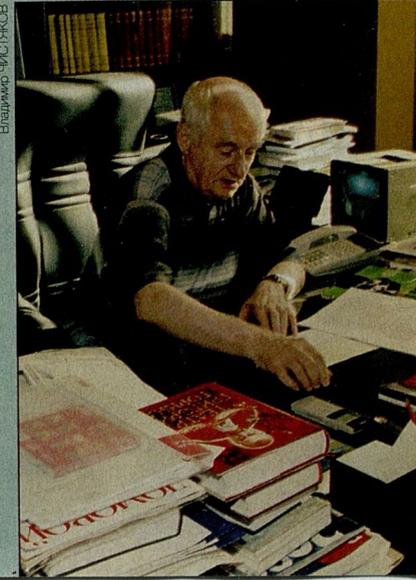
— Не помышляли о том, чтобы пригласить супругу работать в свой театр?

— Я бы не смог чувствовать себя свободно и уверенно, если бы рядом постоянно была жена. Я наблюдал примеры в некоторых московских театрах, когда у жены главного режиссера постепенно ехала крыша, и она тоже начинала делать замечания артистам: “У тебя хорошо. А у тебя не все получилось. А тебе вообще надо очень хорошо подумать”. В этот момент у мно-

гих стекленели и наливались кровью глаза, но все молчали. Когда мои актеры излишне расшумятся на репетиции или невнимательны, я говорю: “Ребята, будете дальше так себя вести, приведу жену, она сядет с блокнотом в первый ряд, будет записывать замечания, и тогда вы поймете, почему фунт лиха, и оцените мое отношение”.

— Чувство юмора всегда вам шло на пользу?

— Начальное его проявление было очень нескладное и глупое. Мне было тогда четыре, и я очень обрадовался, впервые узнав, что, оказывается, существует рифма. Кто-то сказал: “Здорово — корова”, что привело меня в неопишемый восторг, и, чтобы поделиться этим восторгом, я забежал в нашу коммунальную кухню и с выражением выкрикнул: “Здорово — корова!” — одной из наших соседок. Она очень обиделась, а матушка потом долго меня отчитывала.

Владимир Чистяков